

I.

На берегу синяго моря, у тропика земли былъ городъ великій Сардоликъ. Онъ былъ зеленъ, весь въ садахъ, какъ будто построень изъ изумруда, квадратной формы, съ разноцвѣтными башнями по угламъ. Воздвигнутый на высокой горѣ, онъ возвышался надъ окрестностью и, окруженный холмами и долинами, отовсюду былъ виденъ, маня къ себѣ путниковъ и лаская взоры. Играя разными лучами подъ южнымъ небомъ, онъ былъ подобенъ кристаллу алмаза гигантскихъ размѣровъ, поставленному на видное мѣсто какимъ-то невидимымъ любителемъ рѣдкостей природы.

Въ этомъ городѣ царствовалъ благодушный и чадолюбивый царь Ману, дворецъ котораго былъ на самомъ высокомъ мѣстѣ города. У него много было сыновей, отличающихся храбростью въ военномъ дѣлѣ и краснорѣчіемъ на совѣтахъ мужей, но была одна только дочь, горячо имъ любимая, Ніеганелла. Она жила въ отдѣльномъ теремѣ, высящимся надъ зданіемъ дворца. Пользуясь полной свободой, она занималась, чѣмъ было ей угодно. Однако она не любила свѣта и, сидя въ теремѣ, постоянно занималась астрологіей, алхиміей и подобными науками, давно забытыми въ ея странѣ. Между тѣмъ она считалась первой красавицей всего государства, и портреты ея висѣли вездѣ—отъ хижины пастуха до мраморныхъ палатъ богатыхъ вельможъ.

Поэты сравнивали ее со всѣми цвѣтами земли и всѣми звѣздами неба и въ концѣ концовъ сознавались,

что нѣтъ у нихъ красокъ достойно воспѣть несравненную Ніеганеллу (можетъ быть, изъ лести такъ говорили). Женихи постоянно осаждали царскій дворецъ. Тогда благодушный Ману, зная людскую глупость, какъ она безмѣрна, далъ свободный доступъ всѣмъ искателямъ руки и сердца его дочери. „Пусть дочь выбираетъ сама, а я ужъ старъ, земная жизнь меня уже не занимаетъ“, такъ онъ говорилъ.

Толпы жениховъ нахлынули тогда къ терему и поочередно представлялись царевнѣ. Та съ каждымъ разговаривала изъ любопытства, изучая ихъ вкусы и смѣясь надъ ихъ неразуміемъ и тщеславіемъ, оставивъ на время вычисленія по астрологіи и алхимическія соображенія о единствѣ вещества.

Первымъ къ ней явился молодой философъ, ораторъ всѣми хвалимый, горячій поклонникъ и вздыхатель красоты. Царевна спросила, сидя въ креслѣ посреди зала, зачѣмъ онъ добивается ея руки, когда такъ много прекрасныхъ дѣвъ въ государствѣ.

— Двѣ вещи люблю я, сказалъ восторженный философъ, стоя на почтительномъ разстояніи отъ царевны: мудрость и тебя, какъ воплощеніе ея.

— Неужели она воплотилась только во мнѣ, можетъ быть только въ тебѣ?

улыбнувшись, возразила Ніеганелла...

— Она всюду, но въ твоемъ разумѣ ярче всего; подобно тому, какъ Арктурусъ—самая яркая звѣзда...

— Плохой мудрецъ, прервала его дочь Ману, который думаетъ, что у дѣвушки есть мудрость... Какой-нибудь нищій, прохожій странникъ, извѣдавшій все въ мірѣ, несравненно мудрѣе меня, а можетъ быть, и тебя.

— Но ты—красота.

— Значитъ, три вещи любишь ты, а не двѣ, а, можетъ быть, даже десять, или одну, себя самого; неужели нѣтъ свинопаски, которая во стократъ краси-

вѣе меня, или ты вѣришь царедворцамъ и поэтамъ, этимъ лгунамъ и краснобаямъ?

— Гармонія всѣхъ элементовъ важна, сказалъ смутившійся философъ.

— Гармонія глины и огня, плохая гармонія, борьба, а не симметрія...

„Представь, я властолюбива, избалована, капризна, сварлива.

(Откуда берутся сварливыя жены, когда дѣвы такъ хороши?)

Ручаешься ли ты, что всего этого нѣтъ во мнѣ“?

— Ручаюсь, что нѣтъ, иначе бы молва...

— А! вотъ попался! На основаніи молвы и дальняго эхо на горахъ судишь. На основаніи молвы судишь объ истинѣ и по теченію вѣтровъ, гдѣ меньше дуетъ и гдѣ повыгоднѣе.

— Нѣтъ, позволь, разгорячился философъ, я все провѣряю фактами, я для истины живу.

— Откуда истину ты узналъ?

— Изъ наукъ и размышленій...

— Науки подобны дѣтямъ, знаютъ только знакомые уголки, а размышленія—подобны весеннимъ облакамъ, ищи ихъ въ полѣ... Гдѣ же истина?

Я кончила...

Философъ ушелъ смущенный изъ царскаго дворца, но никому не сказалъ, что говорила ему царица, и что отвѣтилъ онъ, мудрецъ въ глазахъ свѣта.

Пришли еще два жениха въ царскій дворецъ—два старика и оба съ лысиной, одинъ былъ банкиръ, а другой былъ старый астрономъ. Банкнръ хотѣлъ жениться отъ нечего дѣлать, а старый астрономъ думалъ найти въ лицѣ жены помощницу для вычислений. Таковы были мотивы у этихъ двухъ чудаковъ, одновременно прибывшихъ во дворецъ. Они столкнулись въ дверяхъ и вступили въ споръ, который добромъ бы не кончился, если бы не пришла хорошая мысль астроному—кинуть жребій, кому первому пред-

ставиться царевнѣ. „Мы оба прекрасны, говорили они, и юны также, намъ необходимъ жребій“ Судьба благопріятна была для астронома, жребій указалъ на него, какъ на достойнѣйшаго, который долженъ первымъ высказать свои чувства знаменитой красавицѣ, и онъ, постукивая палкой и табакеркой, бодро поднялся по лѣстницѣ изъ чистаго топаза; старый же банкиръ остался въ пріемной, думая, что иногда второй находитъ больше перваго (фортуна коварна).

Постукивая табакеркой и нюхая табакъ, вошелъ астрономъ въ горницу царевны и, быстро сѣвши на стулъ, сказалъ:

— Безподобная красавица, лучшая изъ женщинъ (по крайней мѣрѣ такъ говорятъ поэты, хотя имъ мало вѣрю), словомъ, блестящая, какъ комета 32-го года между другими кометами, я, глядя на твой портретъ, себѣ сказалъ: „не надо мнѣ другой жены, какъ эта Неганелла“ Только въ томъ случаѣ, если ты не пойдешь за меня, я возьму другую. Мнѣ же жена нужна... Работы много у меня, а дѣлать некому, вычислить, наблюдать, поправить трубу. Особенно молодая жена была бы для меня—кладъ.

— Ты же вѣдь ужъ старъ, вставила свое слово царевна, серьезно слушая чудака.

— Старъ, я старъ только по сравненію съ молодыми, въ сущности же очень молодъ, хотя бы по сравненію съ самой ничтожной планетой, блуждающей между Юпитеромъ и Марсомъ.

Это все относительно, голубушка...

Опять же въ молодости говорятъ глупъ, и выберемъ дуру, теперь, говоришь, старъ, хоть вовсе не женись, выходитъ...

А нельзя... Звѣзды и то живутъ попарно и по-трое... Красная звѣзда (почтенныхъ лѣтъ), смотришь, супруга его голубая (молодость), желтая звѣзда (уже зрѣлыхъ лѣтъ), другая зеленая, зелень—молодость... Двойныя

звѣзды я изучаю и думаю, что же это я самъ одинъ...

Теперь до свиданія, прекрасная царевна, сказалъ старикъ, вставая, я сдѣлалъ предложеніе. Въ остальномъ не виновать я... и, ковыляя и нюхая табакъ, вышелъ.

Въ дверяхъ еще прибавилъ: „а то, пожалуй, безъ меня многія звѣзды переженятся, хватить у нихъ на это ума, я не могу медлить, потому жду письменнаго отвѣта“

Ніеганелла, глядя въ слѣдъ старику, про себя подумала: „да, если выйти, нужно за него... Умъ! ты краше всего въ мірѣ! Сквозь чудачества сіяешь ты, какъ лучи солнца сквозь волны облаковъ! Красота—это мимолетный цвѣтокъ, обманчивое видѣніе, миражъ въ степи“

Эти размышленія Ніеганеллы были прерваны появленіемъ еще болѣе глубокаго старика, чѣмъ астрономъ, и еще съ большей лысиной...

— Цвѣтокъ нашей земли, сказалъ банкиръ, низко кланяясь. Слышали мы, старики, что молодымъ ты отказываешь въ своей рукѣ, такъ вотъ мы теперь думаемъ попытать свое счастье на этомъ тернистомъ пути. Я богатъ, но не украшенъ. На головѣ моей корона, но нѣтъ тамъ алмаза; много драгоценностей въ моихъ палатахъ, но нѣтъ розы тамъ, полной жизни, много у меня досуга, но некому мнѣ молиться утромъ и вечеромъ...

— Словомъ,—прервала его царевна,—тебѣ нужна жена, красивая, молодая!

— Какъ премудро,—воздѣвая руки, воскликнулъ банкиръ...—да, да! Нужна, какъ воздухъ, мнѣ жена...

— Но вотъ о чемъ подумай ты,—опять прервала его Ніеганелла...—вдругъ молодая твоя жена будетъ расточительна и промотаетъ въ три года, а можетъ быть и скорѣе, все твое имущество.

— Эх-хе!—сказалъ банкиръ,—больно ты хитра, а я дитя... Это не у насъ, это идеалисты какіе-нибудь такъ поступаютъ. У меня жена будетъ тратить только свое! А я люблюсь ею... Те-те!

— Вотъ-какъ!—не безъ удивленія воскликнула царевна...

— А ты думала, голубушка, какъ, перехитрить стараго банкира... который перехитрилъ весь народъ и Самого Бога... полно, дитя мое!

— Да, ты—достойный женихъ. Если старый астрономъ умретъ до моего согласія быть его женой, я пойду за тебя, если не умрешь, ты къ тому времени... жди... Вотъ мой золотой отвѣтъ твоему золотому предложенію...

— Жду исполненія твоихъ обѣщаній и благопріятныхъ вѣтровъ,—отвѣтилъ банкиръ и, величественно поклонившись, вышелъ изъ терема... По дорогѣ онъ себѣ сказалъ: „надуетъ меня эта дѣвочка... да впрочемъ, что въ томъ, найду я другую“

Изъ всѣхъ жениховъ только старый астрономъ получилъ письменный отвѣтъ отъ царевны слѣдующаго содержанія: „Если суждено мнѣ будетъ выйти замужъ, то нѣтъ лучшаго жениха, чѣмъ ты, мой свѣтлый старикъ, вѣчно юный, какъ звѣздное небо. Мое сердце несется къ тебѣ на голубыхъ крыльяхъ эфира.

Преданная тебѣ Ніеганелла“

Астрономъ прочиталъ и почувствовалъ радостное біеніе сердца, даже перо выпало изъ рукъ, и безконечныя цифры задрожали на бумагѣ...

Немного погодя, поуспокоившись, онъ сказалъ: „какъ будто великолѣпную комету видѣлъ я, такъ радостно стало на душѣ... Первое небесное свѣтило, открытое мною, будетъ названо Ніеганелла!“

„Ніеганелла, Ніеганелла“, шепталъ старикъ, вычисляя орбиту какой-то новой звѣзды, вращающейся около другой...

„Глубины неба, услышьте вы, и земля имѣть свои красоты“

Этими словами началъ свои вечернія наблюденія вдохновенный старикъ... И глубины неба позавидовали ему...

II.

Городъ жилъ разсказами о разговорахъ царевны съ женихами. Въ этихъ устныхъ повѣстяхъ главнымъ образомъ фигурировали философъ, астрономъ и банкиръ... Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе увеличивались смѣшныя стороны этихъ событій, мудрость же дочери Ману восхвалялась всѣми... Дѣло, наконецъ, дошло до геркулесовыхъ столбовъ, и что было бы изъ всего этого, мы не знаемъ, потому что общественная мысль быстро повернулась въ другую сторону... Всѣ были взволнованы новымъ событіемъ, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ сплетницъ старухъ, имѣло связь съ первымъ...

Появилась на небѣ круглая комета надъ самымъ Сардоликомъ. Она быстро приближалась къ землѣ, такъ что даже видно было на глазъ, какъ радіусъ ея увеличивался. Всѣ обратились къ старому астроному. Тотъ отвѣтилъ печатно, что комета движется по прямой линіи, направляясь къ городу, но что онъ думаетъ, что эта прямая часть вѣтви огромной гиперболы, что во всякомъ случаѣ ужасъ преждевремененъ, ибо комета можетъ сгорѣть въ воздухъ или повернуть въ другую сторону... Самъ же себя старый астрономъ утѣшалъ тѣмъ, что если земля и будетъ отравлена кометой, все же Вселенная останется, что и требовалось доказать. Однако, нужно сказать сердце старика на этотъ разъ билось сильнѣе... Онъ любилъ и боялся за предметъ своей любви...

Ніеганелла тоже сидѣла у окна своего терема и

постоянно смотрѣла на страшную, круглую комету. Она дѣлала астрологическія вычисленія и блѣднѣла. Результаты были печальны для нея... Она должна была погибнуть (по цифрамъ), или кто-нибудь изъ дорогихъ ей существъ...

Между тѣмъ комета, увеличившись до огромныхъ размѣровъ, такъ что наполняла собою третью неба, вдругъ стала болидомъ, пламеннымъ и яркосіяющимъ... Старый астрономъ такъ и развелъ руками: „все мнѣ казалась она состоящею изъ космической пыли, а теперь предъ собою вижу твердое тѣло, которое можетъ разбить не только нашъ городъ, но и половину земли...

„Да ничего, Вселенная останется...“ такъ думалъ онъ... Городъ былъ въ паникѣ...

Однако, судьба сжалилась на этотъ разъ надъ землею и надъ городомъ блестящимъ Сардоликомъ... Не доходя 100 верстъ до земли (по вычисленію стараго астронома), болидъ съ трескомъ взорвался въ воздухъ и разсыпался на мелкіе огненные куски, которые разлетѣлись по окрестностямъ... Ударъ взрыва былъ такъ силенъ, что дома задрожали, и кони, и люди попадали на улицахъ...

Страшный болидъ исчезъ, и жители поздравляли другъ друга съ избавленіемъ отъ неминуемой гибели... И постепенно входили въ обычную жизнь. Граждане Сардолика снова стали любоваться своимъ городомъ и синимъ моремъ, которое лизало подошвы горы—основаніе города.

Однако же, что исчезло въ глазахъ смертныхъ, не переставало существовать для себя. Болидъ измѣнилъ только свою форму и между дикими горами принялъ видъ человѣка—гиганта. Когда онъ всталъ на ноги, головою своей онъ былъ выше вершины снѣжныхъ горъ. Въ одеждѣ странствующаго рыцаря, въ шляпѣ съ высокими перьями, которыя были величиною съ высокую пальму, растущую подъ его ногами, съ пла-

щемъ на плечахъ, въ складкахъ котораго помѣщались облака, идущія съ сѣвера на югъ, этотъ не здѣшній гость зашагалъ по направленію къ городу Сардолику. Онъ былъ странникъ міра, перелетающій пространство Вселенной, порожденіе тьмы и врагъ свѣта и порядка. Была глубокая ночь и небо звѣздами играло, серебристая луна освѣщала долины своими волшебными лучами

Странникъ посмотрѣлъ на окружающія горы и долины и какъ будто что-то вспомнилъ старое и сказалъ про себя:

— Опять я здѣсь, на землѣ, эта планета сильно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я былъ здѣсь въ послѣдній разъ... Тысячелѣтія прошли, и она постарѣла и поблекла. Счастливица — земля, она старѣетъ и умретъ! Ужасающій же пламень, который ношу я въ сердцѣ, не уменьшаетъ своей силы, и я по-прежнему горю въ огнѣ—страданія. Съ тѣхъ поръ, какъ отдѣлился я отъ свѣта и вступилъ съ нимъ въ споръ, тоска не проходитъ, и мысль безсильно витаетъ въ пустотѣ, не будучи въ состояніи выяснитъ причины раздвоенія истинно-сущаго на два принципа—свѣтъ и мракъ и на ихъ борьбу.

Всѣ меня счастливыѣ, даже эти бесконечно малые существа—люди. Ихъ маленькія горести прекращаются со смертью... А я вѣчность провожу въ мучительной борьбѣ съ самимъ собою... Только когда разрушаю міры, истребляю живыхъ существъ, или когда меня бесконечно любятъ—мнѣ бываетъ нѣсколько легче... Окончательнаго забвенія нѣтъ мнѣ... Знаю, нѣкогда и я спасусь, когда свершится циклъ временъ и начнется новый, но это еще не скоро... Великъ размахъ времени Истинно-Сущаго, какъ говорятъ наши древнія небесныя сказанія... Такъ размышляя, шагаль мрачный пришелецъ изъ далекихъ частей неба... Вотъ онъ городъ увидалъ на горизонтѣ... „Что-то меня тянетъ туда“, думаль онъ, „какъ будто чье-то невин-

ное сердце тамъ полюбить меня, и хоть на минутку позабудусь я отъ своихъ ужасныхъ размышлений, сжигающихъ мою душу“

Прошло два дня и третій былъ ужъ къ вечеру Царевна грустно сидѣла у окна своего терема послѣ большихъ астрологическихъ вычислений. Болидъ исчезъ, а результаты вычислений не измѣнились и сердце стучало сильнѣе обыкновеннаго... „Что-нибудь да должно быть“, думала она.

Уже заря угасла на западѣ, вечерняя звѣзда и та спустилась куда-то за вѣчно волнующееся море, и новыя звѣзды поднимались на небѣ. Тихо было кругомъ, какъ вдругъ услыхала Неганелла стукъ въ противоположную дверь, выходящую на балконъ, она подошла и увидала юношу, стоящаго на балконѣ... Она вздрогнула отъ ужаса. „Какъ я стала суевѣрна“, быстро промелькнуло у нея въ головѣ. Затѣмъ, немного оправившись и предположивъ, что это какой-нибудь изъ ея несмѣтныхъ воздыхателей, пѣвцовъ и поэтовъ, какой-нибудь глупый шалунъ, она приложилась къ стеклу двери, чтобы крикнуть и пригрозить бездѣльнику, какъ снова ужасъ охватилъ ее и ноги подкосились: она увидала, что юноша былъ въ одеждѣ странствующаго послушника и съ голубыми крыльями на плечахъ. Онъ стучался и говорилъ, пристально глядя на нее: „Царевна,пусти странника міра, въ видѣ болида прилетѣлъ я сюда и хочу поговорить съ тобою о чудесахъ иныхъ міровъ, куда стремится постоянно твоя душа“... Лицо юноши было очень благородное, видно было, что онъ нездѣшній гость. Царевна, успокоившись, спросила его: „по вашимъ законамъ при достиженіи вашихъ цѣлей пользуетесь ли вы только умомъ, коварствомъ и лестью, или же, какъ хищники, вы употребляете и силу?“

— Отнюдь,—отвѣтилъ юноша съ благородной улыбкой.—Неужели же не хватило бы у меня силъ снести твой теремъ, но я стучусь передъ твоей стеклян-